

КСЕНИЯ МЯЛО

ЗА ГОРИЗОНТОМ НУЛЕВЫХ

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже казаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана...

Н. В. Гоголь

Если представить себе человека, году эдак в 1989–1990 чем-то отвлекшегося или даже задремавшего, а теперь, спустя пару десятилетий, очнувшегося, то представшая ему картина событий на первый взгляд могла бы показаться мало изменившейся. Те же курящиеся очаги напряженности на Днестре, в Закавказье, Средней (ныне Центральной) Азии. А чуть расширив рамку обзора, он вновь увидел бы и ширящийся наркотрафик из Афганистана, и гибнущие под бомбовыми ударами мирные селения, и наступающих моджахедов (теперь именуемых талибами), услышал бы бурные прения о необходимости – или всё-таки недопустимости – вывода войск из этой “могилы империй”. И только вполне вернувшись к действительности, он уразумел бы, что речь-то идет вовсе не о советских войсках, ибо советская армия перестала существовать, как и Советский Союз, осознал бы, что с тех пор минуло без совсем малого двадцать лет (всего-то полтора года остается до 8 декабря 2011 года!) и за это время успело вырасти целое поколение родившихся уже в мире без СССР, но покоя на планете от этого не прибавилось, как не прибавилось его и на советском (ныне постсоветском) пространстве. А стало быть, упования тех – допустим, что были и такие искренне заблуждавшиеся, – кто с исчезновением Советского Союза, названного ими “империей зла”, связывал едва ли не наступление эпохи кантовского вечного мира, пошли прахом.

Ведь ни один, подчеркиваю, ни один из конфликтных узлов конца XX века не был развязан, а некоторые (включая ближневосточный) затянулись еще туже. Насильственная ликвидация Югославии – как и СССР, страны-учредительницы ООН, чья подпись стоит также под Хельсинкским актом 1975 года, – не вполне охладил даже балканский котел, зато одним из своих, быть может, не запланированных следствий возымела усиление сепаратистских тенденций в самой Европе, не говоря уже о мире в целом. Вторая (после “Бури в пустыне”) война в Ираке и стремительное возрастание напряженности вокруг Ирана сильно, по сравнению с тем, что имело место при жизни СССР, расширили границы зоны нестабильности на Большом Ближнем Востоке, и на качественно новый уровень вышел фактор исламского радикализма, в свое время подпитанного и активизированного самими Соединенными Штатами, в их проти-

востоянии Советскому Союзу подхватившими традицию именно такого способа действий Британской империи в ее противостоянии империи Российской.

Словом, международная нестабильность за истекшие двадцать лет не только не уменьшилась, но и возросла; зато резко умалилась на международной арене роль РФ, считающейся правопреемницей СССР, но по своему политическому весу сегодня не могущей идти ни в какое сравнение с низвергнутым предшественником. И это так не только за пределами Союза, но и – что особенно показательно – во всех без исключения зонах горячих точек, сформировавшихся еще в последние годы его жизни.

Возможности нынешней России влиять на развитие ситуации убывают даже там, где и история, и международное право, и устойчивая пророссийская ориентация населения безусловно позволяли ей закрепить за собой роль главного посредника в урегулировании конфликтов. А возможно, и больше: заняв место действительно значимого, обладающего собственной волей действующего лица текущей истории, способного, без вошедшей уже в привычку осторожной оглядки на “княгиню Марью Алексеевну”, предлагать свои, неординарные пути решения проблем, явно не разрешаемых на путях попыток сделать это на основе возведенного в догму принципа сохранения территориальной целостности бывших союзных республик. Границы каждой из них на момент распада СССР не имели международно признанного статуса, а стало быть, вообще не могли являться объектом приложения этого принципа; и если между принципом сохранения территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение вообще существует по меньшей мере весьма сложное соотношение (что, впрочем, нисколько не мешает ни США, ни ЕС всякий раз, когда они находят нужным, трактовать эту диалектику в свою пользу), то при распаде СССР произошла грубая подмена одного другим. И как раз поспешное, во многих случаях с опережением Запада, признание целостности даже тех, из тела Российской империи в свое время произвольно выкроенных административных образований, названных союзными республиками, на территориях которых уже полыхали конфликты, придало этому распаду глубоко порочный и абсолютно противоправный характер *межмоментального дележа* с отчетливо выраженным привкусом крепостничества.

Между тем уже имеющиеся международные прецеденты вполне позволяли и горбачевскому руководству, при котором “процесс пошел”, и пришедшему ему на смену руководству ельцинскому опереться на них, дабы избежать передачи “земель с мужиками”. Более того: даже обязывали сделать это во имя провозглашаемых на каждом углу идеалов и принципов демократии, следуя по тому же пути, который еще в 60-е годы был обозначен Францией. Так, сообщают авторитетные международные эксперты, авторы основательного исследования “Международное право и независимость Приднестровья”, при распаде Французской колониальной империи “территории, которые не желали быть частью новых независимых государств, получали статус заморских департаментов Французской республики”. Именно таков, например, случай острова Майотта, жители которого не пожелали в 1966 г. отделяться от Франции и войти в состав Федеративной Исламской Республики Коморские Острова. О чем и заявили дважды, в 1964-м и 1976 годах, подавляющим большинством голосов. И хотя ООН не признает французских прав на Майотту, Париж сумел *de facto* настоять на соблюдении законных прав ее жителей – притом настоять очень твердо; ведь Майотта признана заморским департаментом Франции и на этом основании даже считается территорией Европейского Союза.

“Разумеется, – подчеркивают авторы, – никто не накладывает на Францию никаких санкций за одностороннее признание острова частью своей территории”*, а ведь очевидно, что узы, соединяющие маленький остров в Индийском океане с Францией, далеко не столь глубоко уходят в историю, нежели, к примеру, связи Приднестровья с Россией. Однако Россия ни разу не дерзнула поставить вопрос аналогичным образом, *ни разу* не напомнила, что право народов на самоопределение подразумевает самоопределение не только через отделение их от того или иного государства, но также и через *сохранение ими своего статуса как его части*. И Майотта являет отнюдь не единственный, хотя едва ли не самый экзотичный пример разрешения коллизий,

* Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья. ПМР, Бендеры, 2007, с. 70.

аналогичных тем, с которыми столкнулся Советский Союз в конце 80-х годов минувшего века и которых до сих пор не в состоянии разрешить его преемница. Между тем в первой половине тех же 80-х годов малочисленное население Фолклендских островов на плебисците, состоявшемся после поражения Аргентины в войне с Англией, подтвердило свое желание остаться в составе Великобритании, что и произошло.

Еще более показателен случай Гибралтара, в 1703 году отторгнутого Англией у своего главного соперника на море. Однако несмотря на активное желание Мадрида аннулировать результаты этой очевидной аннексии, жители Гибралтара 10 сентября 1967 года проголосовали против независимости от Британии. И даже промежуточный вариант – план перехода под совместный англо-испанский суверенитет – был, по сути дела, единогласно отвергнут гибралтарцами 7 ноября 2002 года, что вынудило Испанию 4 года спустя согласиться с решением Лондона “принять во внимание волю жителей”. А ведь речь шла о двух членах ЕС, то есть отказ признать эту волю вовсе не грозил жителям Гибралтара теми трагическими последствиями, которые довелось в полной мере вкусить народам постсоветских *непризнанных*. И тем не менее, комментируя результаты Гибралтарского референдума, британский Форин Оффис счел нужным заявить, что “Соединенное Королевство никогда не вступит в такие соглашения, в соответствии с которыми жители Гибралтара могли бы попасть под суверенитет другой страны *против их свободно и демократическим путем выраженной воли*” (там же, стр. 70. Выделено в тексте).

Иными словами, здесь со всей определенностью постулировалось, что *люди не могут считаться принадлежностью территории и передаваться другому государству без учета их собственного волеизъявления*. Иное дело, что Великобритания, как и вообще страны Запада, к аргументации такого рода обращается, в основном, тогда, когда речь идет о ее интересах, но это, однако, ничуть не умаляет основополагающего значения самого принципа. И кто мешал советскому, а потом и российскому руководству в своих действиях руководствоваться тем же постулатом, тем более что именно к этому обязывал их действовавший на тот момент закон от 3 апреля 1990 г., соответствующим образом определявший процедуру выхода из СССР. Он, однако, был полностью проигнорирован, и только после августовской войны 2008 года российский министр иностранных дел С. Лавров попытался напомнить о *правовом* подходе к вопросу. “Мы, – заявил он тогда, – не можем считать людей некой “принадлежностью” чьей бы то ни было территории, которая может произвольно, без согласия этих людей переходить под суверенитет того или иного государства в нарушение Устава ООН, принципов Хельсинкского Заключительного акта. Такой подход возвращал бы нас – в сегодняшней Европе – к временам крепостного права” (“НГ”, 15 сентября 2008 г.).

Слова эти, однако, никак не были подкреплены соответствующими действиями, и даже больше – действия вопиюще противоречили словам. Ведь даже если ограничиться только Абхазией и Южной Осетией, которые в те дни все-таки были признаны Россией, то произошло это отнюдь не потому, что российское руководство наконец-то осознало непристойность своей приверженности к архаике крепостного права, а по причинам сугубо ситуативным, вследствие вторжения грузинских войск в Южную Осетию. Что и было вновь подчеркнуто президентом РФ Д. Медведевым во время его выступления в Сухуме 8 августа 2010 года. Тогда, подчеркнул он, “по сути было поставлено под угрозу существование народов Южной Осетии и Абхазии... Если бы решения тогда не были приняты, то сейчас ситуация была бы совсем иной” (“НГ”, 9 августа 2010 года). Между тем это странное связующее “и” не может не удивлять: ведь вторжения в Абхазию в 2008 г, в отличие от 1992 года, не было. Однако после той войны, после мучительной, длившейся почти год оккупации республики грузинскими войсками РФ не только не сделала никаких поползновений к признанию ее независимости, но, напротив, еще и предприняла попытки блокадой принудить ее к реинтеграции в Грузию. Ни намек не прозвучало и на необходимость международного суда над Э. А. Шеварднадзе, суда, идеей которого сегодня буквально одержима Москва по отношению к Саакашвили; не подвергался экс-президент Грузии и никакому остракизму с ее стороны. Все это, конечно, наводит на многие размышления о подлинных причинах и смыслах августовской войны, равно как и превентивного признания Абхазии. (Более подробно я писала об этом в “Нашем современнике”, № 11, 2008.)

Конечно, хотя и запоздало, но справедливость, по крайней мере по отношению к двум из четырех самопровозглашенных государств, сформировавшихся на постсоветском пространстве, была восстановлена, что в любом случае не может не радовать. Однако то, как это было сделано, показало, что никаких базовых принципов, которыми руководствуется и впредь намерена руководствоваться Россия, принимая подобные решения, у нее нет; ну, а превращение в изгоев двух других *непризнанных*, имеющих, однако, ничуть не меньшее право на признание, лишний раз подчеркнуло живучесть номенклатурного произвола как доминанты ее поведения в этом вопросе. В то же время не сумела она и достаточно убедительно продемонстрировать, что конъюнктурный, *ad hoc*, подход к нему, предъявленный ею международному сообществу в августе 2008 года, она намерена применять и впредь – подобно Западу, там и тогда, где и когда сочтет это нужным. Ей для этого не хватило куража (не в смысле склонности третировать более слабых, чего как раз хватает с избытком, а в смысле дерзкой готовности идти до конца), а потому она уже в значительной степени девальвировала свой успех 2008 года.

В сущности, в какой-то мере повторилась история со знаменитым броском на Приштину – ведь ни тогда, на Балканах, ни спустя девять лет на Кавказе Россия не встретила ни того решительного противодействия, ни, тем более, военного отпора со стороны Запада, которым постоянно пугали и продолжают пугать противники любого проявления ею собственной политической воли. Однако ни в 1999-м, ни в 2008 году развить свой успех Россия не сумела – или не захотела? В любом случае расплачиваться пришлось, и на Балканах такой расплатой стал вначале высокомерный отказ оправившегося от шока Запада в выделении ей собственной зоны ответственности в Косове, а позже, в феврале 2008 года, признание Западом провозглашенной Приштиной независимости. Провозглашенной в прямое нарушение принятой СБ резолюции 1244 и, однако, в конце июля 2010 года подтвержденной Международным судом в Гааге. И сегодня мало кто сомневается в том, что процесс международного признания Косова стал необратимым: с Приштиной установили дипломатические отношения уже 69 государств, а без членства в ООН она может пока и обойтись: ведь после череды локальных войн, ознаменовавших конец XX века, в начале века XXI всем уже ясно, что в решении судебных народов и государств отнюдь не ООН играет первую скрипку.

Что же до Кавказа, то и здесь уже успело осыпаться немало листьев с триумфального венка 2008 года, и даже директор Московского Центра Карнеги Дм. Тренин, быть может, в стремлении подсластить пилюлю начавший за здравие, вынужден кончить если не за упокой, то, во всяком случае, не на самых мажорных нотах свое описание нынешней ситуации в этом регионе: “Через два года после окончания войны на Кавказе Россия ощущает себя безусловной победительницей”, но – “статус Абхазии и Южной Осетии остается подвешенным”. С РЮО вообще много вопросов, а в более широком плане “нереализованной оказывается заявленная роль России в качестве лидера в создании системы безопасности на Южном Кавказе” (“Ведомости”, 09.08.10). А ведь какие жесты делались тогда в ее пользу, какие политические идеи выдвигались! Воспользоваться же ими РФ было бы тем легче, что не она была их инициатором, не она ввела, например, понятие “ядровой грузинской территории”, к которой, как явствовало из контекста речи канцлера ФРГ Ангелы Меркель, последняя не относилась ни Абхазию, ни Южную Осетию. А экс-президент Италии Франческо Коссиго заявил тогда же: “Я за территориальную целостность Грузии, но в ее естественных исторических и культурных границах” (“НГ”, 1 сентября 2008 года).

Решилась Россия развить свой успех, у нее, бесспорно, были бы все исторические и юридические, не говоря уже о нравственных, основания применить то же понятие “ядровой территории”, или, говоря словами Коссиги, “территориальной целостности в естественных исторических и культурных границах” к ситуации, сложившейся в Приднестровье и Нагорном Карабахе. Она, однако, предпочла эту ситуацию не просто сохранить, но усугубить самим фактом не имеющего уже никакого оправдания их “изгойства”. Рассчитывала ли она при этом на безгласное повиновение тех, кому отказано? Либо на чудодейственное “авось рассосется”? Либо – и это, на мой взгляд, наиболее вероятно, с учетом склонности руководства РФ делать ставку не на правовые решения, а на межноменклатурные соглашения – на приход к власти в

проблемных регионах каких-то политических сил, с которыми все-таки удастся договориться? В любом случае, ни того, ни другого, ни третьего не произошло, и жаркое лето 2010 года, по многим признакам, вновь поставило Москву лицом к лицу с этими двумя клочками земли, самочинно вторгшимися на политическую карту.

* * *

Разумеется, решение Международного суда в Гааге уже вызвало соответствующую реакцию и в Тирасполе, и в Степанакерте. МИД НКР заявил в этой связи: “22 июля Международный суд справедливости утвердил и исторически закрепил, что право народов на самоопределение и его осуществление не нарушают какой-либо принцип или норму общего международного права, в том числе принцип территориальной целостности... Данное решение имеет крайне важное правовое, политическое и моральное, а также прецедентное значение и не может ограничиваться лишь примером Косово”. (Цит. по: “НГ”, 27 июля 2010 г.) Со своей стороны, МИД ПМР, хотя и не делая столь широких обобщений, обратился в ООН с просьбой о признании независимости республики, также ссылаясь на решение Международного суда по Косово. “Изгоев”, стало быть, не смутила безапелляционная и пренебрежительная реплика представителя Госдепа США Филиппа Кроули, по мнению которого решение Гаагского суда не может распространяться на другие подобные случаи: “Нет... мы не считаем, что это применимо в любой другой ситуации”.

Спору нет – мнение самих “изгоев” не слишком много тянет на весах международной Фемиды, но свое слово на этом новом витке возвращения проблемы Косова как *прецедента* они уже сказали, и хотя слово это, конечно, можно замолчать, его нельзя вычеркнуть из истории вопроса, с ним, так или иначе, придется считаться.

Ну, а что же Россия? Ведь один раз, несмотря на свои грозные предупреждения, она возможность использовать решение Запада по Косову для разрешения проблем постсоветских самопровозглашенных государств уже упустила. Между тем нельзя исключить, что, сдержки она тогда свое слово, не потребовалась бы и кровавая цхинвальская операция, представшая – независимо от того, хотела этого Москва или нет, – как единственно доступный ей способ решения подобных вопросов. Однако и сегодня, после решений суда в Гааге и заявлений МИДов НКР и ПМР, никаких ни действий, ни жестов, ни даже слов, которые позволяли бы заключить, что уроки из событий марта–августа 2008 года извлечены, со стороны России не последовало – при том, что обе эти, столь удаленные друг от друга и географически, и исторически, “замороженные” горячие точки вот-вот грозят разморозиться.

В своем уже упомянутом выступлении в Сухуме 8 августа 2010 года президент Медведев заявил, в частности: “Сейчас ситуация успокоилась, как я вижу из общения с международными партнерами”. Если предположить, что сказанное относится исключительно к Абхазии и РЮО, то тогда, даже с учетом всех сделанных оговорок об их “подвешенном статусе”, с этим, может быть, и можно было бы согласиться. Но тогда, конечно, говорить о лидерской роли России на Южном Кавказе не слишком уместно, потому что регион этот никак не ограничивается двумя названными маленькими государствами. А вот если имеется в виду Закавказье в целом, то президентское утверждение об “успокоении ситуации” звучит несколько странно. Потому что в Степанакерте сегодня говорят о самой большой накаленности обстановки со дня подписания в мае 1994 г. протокола о невозобновлении огня. Начиная с последней декады июля текущего года на карабахско-азербайджанском рубеже происходит до 40–50 ежедневных нарушений режима прекращения огня, в чем стороны, естественно, обвиняют друг друга. Покою не добавляют слухи о продаже Москвой Азербайджану ЗРК С-300, ПМУ-2 и “Фаворит”, да и откуда бы взяться покою, если учесть, что Баку уже не раз со всей определенностью заявляло о возможности военного решения не решаемой иными способами проблемы. А потому в таком контексте особую тревогу в непризнанной республике вызывают участвовавшие облеты ее границ самолетами и беспилотными летательными аппаратами, что слишком уж напоминает происходившее в Абхазии и Южной Осетии накануне августовской войны.

В связи с этим президент НКР Бако Саакян счел нужным заявить: “Азербайджанская сторона должна крепко усвоить, что возвращение к советскому положению невозможно. Нагорный Карабах независим, не откажется от этого даже в самой мизерной степени и готов отстаивать свободу любой ценой”. А поскольку Москва упорно, на протяжении двадцати лет, минувших со дня распада СССР, демонстрирует приверженность к неприкосновенности его *внутренних* границ, то ситуация явно заходит в тупик. И если РФ так и не сможет предложить более внятного ответа на нее, то, думаю, вопрос о ее не только лидерстве, но даже и сколько-нибудь значимом посредничестве на Южном Кавказе потеряет всякую актуальность.

Ну хорошо, могут возразить мне, но ведь это Карабах, уже давно, а особенно в последние годы жизни Союза особо выраженной прорусской ориентацией не отличавшийся. Однако отсюда ведь вовсе не следует, что умаления роли Москвы можно ожидать не только здесь?

Увы, похоже, что следует: ведь сходным образом все более заметно развиваются события и в Приднестровье, геополитически мало связанном с Закавказьем, а культурно-исторически столь сильно и глубоко привязанном к России, что привязанности этой не смогли сломить все беды, пережитые непризнанной республикой за те же десятилетия, и все обиды и несправедливости, нанесенные ей Москвой. И, тем не менее, роль Москвы в урегулировании конфликта на Днестре тоже девальвируется — даже независимо от воли и желания Тирасполя, но просто потому что к этому толкает весь ход событий нескольких последних лет. Но особенно — перевалившего за первую половину 2010 года, отмеченного очевидной “перезагрузкой” позиции Запада на этом направлении. Притом перезагрузкой отнюдь не в сентиментальном смысле возрастания его благорасположения к России, как это в восходящей ко временам Горбачева лицемерной традиции порою еще толкуется прокремлевскими политобозревателями.

Конечно, на Днестре покуда не наблюдается столь явных признаков возможного военного столкновения, однако именно здесь гораздо четче и масштабнее уже обозначились как контуры очередного, притом весьма резкого натиска Запада на позиции России, так и полная пока невнятность ее реакции на эту новую реальность. Ключевым для всей системы приемов этого натиска можно считать понятие “деокупация”, частотность употребления которого стремительно возрастает.

Конечно, самыми сенсационными в этом смысле можно считать заявления госсекретаря США Хилари Клинтон, сделанные ею в ходе июльских визитов в Варшаву, Киев и Тбилиси. В заявлениях этих красной нитью — впервые за два года с такой настойчивостью! — проводилась мысль о “деокупации грузинских территорий”, то бишь Абхазии и Южной Осетии, уже без всяких упоминаний “ядровой территории” союзной республики, к которой они некогда были приписаны. Осторожный и уклончивый ответ российского премьера (именно премьера, хотя заявления по таким вопросам, как отметил немецкий эксперт Александр Рар, обычно делает президент) стал поводом для многочисленных комментариев и предположений, вплоть до возможной попытки Москвы в некоем неопределенном будущем отыграть ситуацию назад — по крайней мере, в том, что касается РЮО.

Однако мало кто обратил внимание на то, что июльским речам Клинтон предшествовал июньский демарш Ангелы Меркель, которая, в ответ на инициативы российского президента по созданию новой архитектуры европейской безопасности, предложила России для начала вывести свои войска из Приднестровья. Подчеркнув, что лишь после этого Европа вроде бы будет готова обсуждать предложение Медведева. Идею подхватила и развернула ответственный представитель Германского фонда Маршалла в Бухаресте Алина Инае, подчеркнувшая даже, что для европейцев и, в частности, для немцев “ключевой целью” (!) подобного сотрудничества должно было бы стать “оказание давления на Приднестровье с целью подтолкнуть его к компромиссу”. Ну, а российские миротворцы могли бы быть выведены или подчинены совместному мандату ЕС—РФ. И вот, возможно, самое главное по “гамбургскому счёту”, во всяком случае, для престижа России: “В более широком контексте инициатива проверит серьезность российских предложений о сотрудничестве”

(www.olviapress. 22 июня 2010 г.). Вот так – “проверит”. Словом, девочка, ве-ди себя хорошо, а там будет видно – но, похоже, никто в российской ни зако-нодательной, ни исполнительной власти не заметил унизительной ультиматив-ной увязки. И это тем более удивительно, если на энергичную инициативу Меркель (разумеется, с воодушевлением поддержанную в Бухаресте) взгля-нуть не изолированно, а в связи с другими, не менее значимыми событиями этого же года в этом же регионе.

Так, еще в феврале президент Румынии Траян Бэеску дал добро амери-канским планам размещения ПРО на ее территории, и вскоре Вашингтон подтвердил, что соответствующие переговоры с Бухарестом уже ведутся. Ки-шинев, конечно, активно поддержал позицию соседки, Приднестровье же предложило России свою территорию для размещения на ней того, что Рос-сия сочтет нужным разместить. Предложение Тирасполя повисло в воздухе, а далее события развивались следующим образом.

В конце апреля прозвучал целый ряд заявлений и. о. Президента РМ Ми-хая Гимпу, в которых Россия как правопреемница СССР была поставлена в один ряд с нацистским рейхом – как то, напоминая, уже было сделано в Вильнюсской декларации ПАСЕ год назад. В этой связи 28 апреля министр иностранных дел РФ Сергей Лавров обратился к Гимпу с увещанием: не ис-пользовать День Победы для политических спекуляций, в ответ на что молдав-ской и. о. напомнил России о необходимости вывести ее войска из Придне-стровья и в те же дни, будучи с визитом в Бухаресте, обратился к Румынии с просьбой о посредничестве в приднестровском урегулировании. Стоит доба-вить, что тогда же, в конце апреля, молдавские информационные агентства сообщили о том, что созданная по указу Гимпу государственная комиссия по изучению ущерба, нанесенного Молдавии вследствие оккупации ее “тотали-тарным коммунистическим режимом”, подсчитала сумму этого ущерба, воз-местить который и должна *правопреемница*. На мягкий увещательный тон обращения российского МИДа это, впрочем, никак не повлияло, а потому дальнейший ход событий вряд ли может удивлять: кто бы отступил, когда пе-ред наступающими услужливо открывается зеленая улица?

И вот, после того, как Москва оплатила прибытие в столицу и пребыва-ние в ней молдавских военных из роты президентского почетного караула, без которых юбилейный парад Победы, видимо, никак не мог состояться, 18 мая молдавский премьер Владимир Филат, в ответ на совместное заявление Д. Медведева и В. Януковича о необходимости интенсифицировать и коорди-нировать усилия по урегулированию приднестровского конфликта, *потребо-вал* вывода войск РФ из Приднестровья. И это при том, что в совместном за-явлении российского и украинского президентов вновь было подчеркнуто, что урегулирование возможно только в формате сохранения территориальной це-лостности Республики Молдова. И, право, трудно отделаться от впечатления, что в очередной раз продемонстрированные Россией размытость и уклончи-вость в приднестровском вопросе поощрили Кишинев к новым жестам и дей-ствиям. Самым агрессивным из которых стало наконец-то побудившее ее хоть как-то высказаться по поводу происходящего на берегах Днестра предложе-ние Михая Гимпу объявить 28 июня Днем советской оккупации. За которую Россия как правопреемница СССР должна нести ответственность, в том числе и материальную.

Однако незачем делать вид, будто подобное требование прозвучало вдруг, как гром среди ясного неба, и что если, как, следуя своей излюблен-ной тактике, сейчас пытается делать Россия, “нехорошему” Гимпу найти бо-лее подходящую замену, то всё как-то утрясется, и вопрос о компенсации и “деокупации” как-то сам собой заглохнет. Ничего неожиданного в требова-нии компенсации нет, разговоры об этом шли еще с конца 80-х – начала 90-х годов, когда вместе с быстрым восхождением к власти Народного фронта Молдовы все резче звучала тема “советской оккупации”. Что отнюдь не по-мешало Москве и лично М. Горбачеву решительно поддержать Кишинев в его политике грубого давления на Приднестровье, что, по сути, означало молча-ливое согласие с кишиневской, резко прорумынской трактовкой вопроса об *оккупации*. Под которой, согласно такой интерпретации, подразумевается ввод советских войск на территорию Бессарабии, аннексированной Румыни-ей в 1918 году.

Правомочность этой аннексии никогда не признавалась странами Запада, даже в периоды их наибольшей враждебности к СССР, в отличие от их позиции по отношению к прибалтийским государствам. Можно добавить также, что еще до вхождения советских танков в Бессарабию между Гитлером и “кондуктором” Антонеску была достигнута договоренность о совместных действиях в рамках операции “Барбаросса”, что, конечно, не могло не быть известно советскому, да и не только советскому руководству, а потому действия СССР тогда представляли тем более оправданными в глазах Запада. И, конечно, для сотен тысяч людей день 28 июня 1940 года стал, с высокой степенью вероятности, залогом их собственного спасения – в самом буквальном смысле слова: бессарабская полоска земли хоть насколько-то задержала продвижение фашистских армий и позволила им буквально выскользнуть из-под сапога. В числе этих людей была и моя мать, застигнутая войной на левом берегу Днестра и с двумя малолетними детьми, под бомбежками и обстрелами, успевшая на последних уходящих на восток эшелонах вырваться из готового сомкнуться кольца окружения. Спустя две недели Приднестровье было оккупировано румынско-фашистскими войсками – оккупировано именно оно, как оно же и было деокупировано в 1944 году Красной Армией, прямой наследницей тех российских войск, которые привел сюда Суворов. Привел тогда, когда Румыния вообще еще не существовала как государство, а Молдавское княжество (в состав которого, впрочем, никогда не входило Приднестровье) давно утратило независимость и зывало к России о помощи в борьбе за освобождение от османского ига.

Такова вкратце история вопроса, оспорить которую невозможно, но о которой Россия за все минувшие годы так ни разу и не решилась напомнить в полный голос. Как даже и теперь не решилась напомнить о том, что только превратности отечественной истории (основанный на приоритете идеологии – а не истории и культуры народов – способ формирования СССР, в главных своих чертах сформулированный и жестко навязанный Лениным) стали причиной того, что нормальный ход событий 1940 года, сутью которых было возвращение Советским Союзом незаконно отторгнутой части исторической России, получил, при образовании МССР, извращенный вид дарения только что возвращенной Бессарабии другой, столь же произвольно отторгнутой от основного массива, части единого государства. Конечно, отторжение это тогда представлялось чисто *виртуальным*, однако еще в 1924 году, когда вследствие создания здесь МАССР в составе Украины для него были созданы первые, еще зачаточные предпосылки, нашлись два дальновзорких политика, сумевших в событиях первой четверти XX века разглядеть зародыш того, что произошло в последнем его десятилетии. Одним из них был премьер-министр Королевской Румынии К. Братиану, о котором мне уже не раз случалось писать, а вот другим оказался известный советский дипломат Г. Чичерин, писавший Молотову 3 марта 1924 г.: “Создание МССР преждевременно в данный момент, так как вызовет экспансионистские устремления румынского шовинизма...” (Цит. по: “История Приднестровской Молдавской Республики”, т. 2, ч. 1. Тирасполь, 2001, с. 89.)

Полагаю, что имя Чичерина, конечно, хорошо известно в российском МИДе и что, изучая историю приднестровского вопроса, там не могли обойти вниманием и этот его столь проницательный прогноз. Правда, на протяжении последних двадцати лет все это можно было, как остается и сегодня, только предполагать, так как ничто в действиях российского руководства не позволяло сделать вывод, будто история его вообще интересует. Она, однако, не переставала интересовать других, и чем меньшей информацией о ней располагало советское, а позже российское общество, тем большей простор открывался для ее интерпретаторов с другой стороны. Мне самой пришлось убедиться в том, что в Румынии идея *возвращения (!)* Приднестровья в Молдову, с последующим присоединением всего целого к соседке, приобрела масштаб едва ли не общенациональный, тогда как огромное число русских в нынешней России с трудом, если и вообще вспомнит, где находится Тирасполь, и все-таки полагает, что Республика Молдова испокон веков существовала в том самом виде, в каком она покинула СССР в 1991 году. А потому с горечью еще и еще раз убеждаешься в правоте нашего национального поэта: “Мы ленивы и

нелюбопытны”. За что уже и расплачивались неоднократно, а вот теперь нам предлагают расплатиться вновь, притом чистоганом, что должно быть особенно чувствительно для вошедших во вкус рынка и денег “дорогих россиян”.

И, казалось бы, уж тут-то должно взыграть ретивое, коль скоро крепко уснуло считавшееся национальной чертой острое чувство справедливости, уж после того кишиневского демарша все точки над “і”; а если не все, то хотя бы главные, будут наконец расставлены. Хотелось думать, что долго отмалчивавшаяся – допустим даже, что из ложно понимаемого миролюбия – Россия все-таки решится на неизбежный шаг и напомним руководству РМ о дне и годе рождения республики в тех границах, на неприкосновенность которых она претендует сегодня. А также о том, что свое существование в этих границах она прекратила в 1990 году. Притом не вследствие вмешательства или давления со стороны тогда еще советского правительства, а по собственной воле, прекратила тогда, когда – о чем мне уже не раз доводилось писать и о чем, к сожалению, придется вновь и вновь напоминать – 23 июня 1990 года Верховный Совет ССР Молдова утвердил Заключение созданной им Комиссии “по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении...”, где говорилось о незаконности создания 2 августа 1940 года Молдавской ССР, которое объявлялось следствием “советской оккупации” Бессарабии и Северной Буковины.

И лишь после этого, 2 сентября 1990 г., была провозглашена Приднестровская Молдавская республика, в этом году отмечающая свое двадцатилетие. Создание ее было абсолютно безупречно с правовой точки зрения: ведь, несмотря на брошенную Горбачевым приднестровцам кличку “сепаратисты”; до упразднения Молдавской ССР самое себя, – ибо других актов, конституирующих ее в тех границах, на которые Кишинев сегодня претендует, нет – они не объявляли о своем отделении даже от МССР. И уж тем более – от СССР, напротив: будучи создана, республика тотчас же обратилась к советскому руководству с просьбой о принятии ее в состав Союза, для чего действовавшая на тот момент Конституция СССР открывала все возможности. Однако тогда-то и прозвучало впервые то самое, барственное и высокомерное, “вам отказано”, под знаком которого непризнанная республика прожила минувшие десятилетия. Огромную личную ответственность именно за такой поворот событий осенью 1990 года несет руководство Верховного Совета СССР в лице А. Лукьянова и Р. Нишанова. А само по себе принятое им и не имеющее никакого сколько-нибудь вразумительного обоснования решение об отказе я считаю той точкой, где Россия отказала и самой себе в возможности сделать решительный шаг от обветшалой приоритетности приемов закулисных политических игрищ и номенклатурных сговоров при решении вопросов, судьбоносных для государства и населяющих его народов, к более гибкому и отвечающему требованиям века типу поведения. Итак, повторяю, хотелось надеяться, что уж теперь...

Но вот и спустя 20 лет, даже после оскорбительного кишиневского демарша, Москва не решилась ни напомнить Республике Молдова об акте ее самонанигиляции в 1990 г., ни признать ошибочным и антиконституционным вынесенный тогда же вердикт советского руководства относительно ПМР.

Напротив: почти синхронно с указом Гимпу об учреждении Дня советской оккупации МИД РФ заявил, что Россия и ЕС “будут делать все, чтобы как можно скорее вернуть стороны за стол переговоров”, главная задача которых – “искать обоюдоприемлемое решение этого конфликта в рамках сохранения и укрепления суверенитета Молдавии” (“НГ”, 25 июня 2010 года). При этом он не исключил участия ЕС в миротворческой миссии в Приднестровье, а это – огромная уступка, особенно с учетом контекста, в котором она была сделана. Ведь буквально в те же дни, опять-таки почти синхронно, президент Румынии внес на рассмотрение парламента проект Национальной стратегии обороны страны, в которой Россия обозначена как источник внешней угрозы. Ибо, было подчеркнуто особо, разместив войска на территории Молдавии без согласия Кишинева, Москва тем самым угрожает безопасности Румынии. А потому Бухарест, следовал вывод, намерен активно содействовать “продвижению решений, направленных на демилитаризацию региона”. Ясно, конечно, что в таком контексте под демилитаризацией подразумевается именно – и только – вывод российских “оккупационных” войск из Приднестровья, которого – причем немедленно – потребовал Гимпу 24 июня. Между тем, как напомнил ми-

нистр иностранных дел ПМР Владимир Ястребчак, в 1992 году российские миротворцы были введены в район боевых действий на Днестре в соответствии с межгосударственным соглашением между РМ и РФ. Под документом стоят подписи президентов двух стран (соответственно, М. Снегура и Б. Ельцина), а потому для переформатирования миротворческой миссии потребуются вначале денонсировать его, что может отбросить процесс к исходной точке, то есть именно к 1992 году, подчеркнул Ястребчак.

Отдают ли себе в этом отчет в Москве? И даже если худшего не произойдет, понимают ли, что подобный демонтаж всех соглашений, достигнутых еще при ведущей роли России в урегулировании конфликта, означает стремительное падение этой роли, возможно, до нулевой отметки? А ведь немалый отрезок пути к этому уже пройден, в чем свою роль сыграла неспособность или нежелание РФ (как почти всегда в таких случаях, в ее поведении трудно отличить одно от другого) положить конец одностороннему прекращению Кишиневом действия подписанного соответственно президентом России Б. Ельциным и президентом РМ П. Лучинским Меморандума об основах взаимоотношений между Молдавией и Приднестровьем.

Собственно, нарушение молдавской стороной условий этого документа, существенно расширявшего рамки политической и экономической самостоятельности непризнанной республики, началось еще в 2001 году, с приходом к власти В. Воронина. Тогда Москва, следуя излюбленной ею практике межличностных договоренностей, при полном безразличии к выработке внятных основополагающих принципов своего поведения, сделав на него основную ставку, видимо, понадеялась ценой уступок на приднестровском направлении закрепить свое положение и на правом берегу Днестра. Разумеется, в Кишиневе это расценили как слабость, которой и воспользовались не мешкая, в 2006 году введя, в нарушение Меморандума и будучи поддержаны в этом президентом Украины В. Ющенко, новый таможенный режим для Приднестровья. МИД РФ тогда выступил с заявлением, в котором выразил свою озабоченность этой, как было сказано в заявлении, “попыткой оказания экономического давления на Приднестровье”, а по сути дела — его экономической блокадой, и призвал все заинтересованные стороны немедленно начать консультации по выработке взаимоприемлемых путей решения проблемы, но... С тех пор минуло больше четырех лет, а воз и ныне там, так что действие Меморандума-1997 можно считать *de facto* прекращенным, что вряд ли сильно способствовало укреплению престижа России как посредника в урегулировании приднестровского конфликта. Однако и сейчас, когда, начиная с весны 2010 года, активизировался натиск Кишинева (хотя уместнее будет говорить о тандеме Бухарест — Кишинев) уже на позиции самой России, причем своей целью очевидно имеющий новую румынскую аннексию территорий, традиционно входивших в состав исторической России, — на сей раз не только Бессарабии, официально известной под именем Республика Молдова, но и Приднестровья, — МИД РФ ограничивается общими заявлениями благожелательного характера в духе кота Леопольда.

Иначе, пожалуй, и не назовешь прозвучавший на следующий день после того, как и. о. Президента РМ Михай Гимпу озвучил свою инициативу, ответ МИДа РФ, где рекомендовалось “не дестабилизировать обстановку в Приднестровье” и не вести дело “к конфронтации на политическом поле в многонациональном молдавском обществе”, но откуда никак нельзя было понять, что же именно думает руководство России по существу вопроса. Иными словами, считает ли оно, что 28 июня 1940 года и впрямь произошла оккупация Бессарабии и Северной Буковины советскими войсками, а если считает, то каким все же образом оно увязывает с этим Приднестровье, и до “роковой” даты пребывавшее там, куда оно вошло по Ясскому мирному договору, заключенному Екатериной II еще в 1792 году. Ну, а коль скоро главное не прозвучало, то, разумеется, никого не заинтересовали вялые паллиативы, вроде предложенной Россией увязки вывода российских миротворцев с “окончательным урегулированием приднестровского конфликта”, и они уже 30 июля послом Республики Молдова в Бухаресте были названы “контрпродуктивными и противоречащими Конституции РМ”.

Не помогло делу и извлечение на свет Божий доброй старой кулевины в виде наложенного главой Роспотребнадзора Г. Онищенко очередного запрета на импорт молдавского вина в Россию. Это испытанное орудие как-то не

слишком впечатляет в век новых технологий (в том числе и политических), особенно на фоне представленного тогда же, в конце июля, доклада Госдепа США, где подчеркивалось, что российские вооруженные силы присутствуют на территории Грузии и Молдавии без согласия этих государств. Что, в сущности, было повторением сделанного уже после нашумевшего указа Гимпу заявления Хиллари Клинтон об оккупационном характере российского военного присутствия в Молдавии и Грузии. Ободренный позицией госсекретаря США, и. о. уже заявил о своем намерении посетить Тбилиси, намерении, которое, конечно, даже неуместно было бы комментировать, когда бы не его контекст, не очевидная, особенно при панорамном обзоре, тесная взаимосвязка всех отметивших 2010 год политических жестов и заявлений, связанных с темой советской и продолжающей ее российской “оккупации”! И эта взаимосвязка позволяет с высокой степенью вероятности предположить, что борьба Грузии и Молдавии за их, соответственно, “деокупацию” имеет верховного координатора. Для действий которого открывается тем больший простор, что РФ уже позволила довольно далеко зайти процессу эрозии российско-молдавских соглашений 1992 г. и, в сущности, демонтажу всех ею же самой созданных механизмов урегулирования конфликта и опор ее посреднической роли.

Новый виток игр с экс-президентом РМ В. Ворониным, затеянных Москвой в преддверии новых выборов в Кишиневе, свидетельствует о том, что она на днестровском направлении демонстрирует роковую неспособность к выдвиганию даже новых политических фигур, не говоря уже о новых политических инициативах. А потому, если, допустим, и на сей раз такие игры приведут к желаемому результату, то это нисколько не приблизит решения проблемы в целом, но станет залогом ее возвращения в обостренной форме. Ведь Кишиневу нужна “деокупация”, и стоящий за его спиной претендент на главную роль в разрешении конфликта готов обеспечить ее. Однако для Тирасполя такой вариант разрешения означал бы его полное уничтожение, и он, все еще полагающийся на Москву, ждет от нее если уж не самого желанного – признания, то, по крайней мере, твердых гарантий. Но способна ли Москва дать их?

* * *

Ее ответы на вызовы 2010 года не слишком обнадеживают. На Карабахском нагорье инициатива, по сути дела, уже полностью выскользнула из ее рук, а на берегах Днестра если еще и удерживается, то лишь в силу глубокой привязанности народа Приднестровья к России. Однако никакой народ не может – да и не должен – бесконечно приносить в жертву этой привязанности свое собственное существование. Особенно там, где, не встречая хоть сколько-нибудь соизмеримой взаимности, он все более отчетливо начинает видеть себя превращенным в подсобное средство для достижения целей, ему все более непонятных и в любом случае не имеющих никакого касательства к ответу на главный для него вопрос: быть ему или не быть? А ведь именно об этом идет сегодня речь для ПМР, как, впрочем, и для НКР, для которой “сентиментальный” период вообще уже остался в далеком прошлом и опыт поведения которой в новых условиях может служить неплохим наглядным пособием для тех, кто, в свой черед и под давлением неумолимых обстоятельств, перешагивает эту черту. Как уже перешагнула ее Абхазия, еще совсем недавно пределом своих желаний видевшая воссоединение с Россией как наследницей Союза, а вот теперь, будучи признана ею, твердо заявившая о своем намерении быть независимой также и от нее. Упреки здесь неуместны: ведь усталость чувств – вещь очень серьезная, и с ней следует считаться в отношениях не только с отдельными людьми, но и с целыми народами.

В том, что касается Сухума, Россия приняла это как факт, с учетом которого и строит сегодня свои отношения с республикой. Однако тем более абсурдным предстает ее упорное стремление сохранить в неприкосновенности внутренние границы 20 лет назад ушедшего в историю СССР в Нагорном Карабахе и Приднестровье. Что до Закавказья, то Москва, целиком поглощенная проектом Олимпиады-2014, которому Кремль пытался даже – правда, безуспешно – придать статус общенациональной идеи, похоже, даже не задумывается о том, как сильно может измениться здесь ситуация, коль скоро Степанакерту вновь придется отстаивать свою независимость. И о том, что масштаб

этих изменений создаст новые риски для самого главного, даже по сравнению с Олимпиадой, ее сокровища, то бишь для системы трубопроводов и всей сплетенной вокруг них сети хитроумных политических игр.

Ну, а неизбежная, при продолжении той же излюбленной ею тактики “качелей”, утрата Россией влияния на Днестре может так сильно изменить расклад сил в Черноморском регионе, что для наших потомков воспоминания о ее некогда столь сильном и ярком присутствии на берегах этой вольной реки, окрест которой не раз сходились и мерялись силами “народы и цари”, станут примерно тем же, чем еще ко временам князя Игоря стали воспоминания о “веках трояновых”.